

— Он... он что с ним?

— А что с ним может быть? Вон стоит на улице на коленях. Его здоровье и так не ахти, а вчера еще и под дождь попал. Не удивительно, что заболел. Говорят, температура под 40, и он уже в шоке.

Ван Шоуминь, услышав это, сильно встревожился и вскочил, чтобы броситься наружу.

Ван Даху быстро схватил его.

— Доктор Сюй уже приходил осмотреть дядюшку и выписал лекарства. Дедушка, сейчас уже поздно, они, наверное, уже спят. Лучше завтра сходите!

Ван Яоцзу действительно заболел, хотя и не так серьезно, как описал Ван Даху.

Просто с упрямыми стариками умоляющие слова часто действуют куда лучше, чем угрозы.

Как и ожидалось, на лице Ван Шоуминя появилось беспокойство, и он тяжело вздохнул.

Ван Даху, видя это, решил воспользоваться моментом и смягчить ситуацию.

— Дедушка, я думаю, дядюшка действительно любит дядю Луна...

— Чушь!

— Дедушка, послушайте меня! — Ван Даху, видя, что дед вот-вот взорвется, поспешил успокоить его, погладив по груди. — Характер дядюшки вам известен. С виду он мягкий, но на самом деле упрямый как черт. Теперь он твердо решил быть с дядей Луном, а вы хотите их разлучить. Если он вдруг что-то натворит, вы потом всю жизнь будете жалеть!

Лицо Ван Шоуминя менялось, видно было, что Ван Даху затронул его самые глубокие опасения.

— Даже если предположить, что дядюшка послушает вас и женится на другой женщине, будет ли он счастлив? Лучше быть счастливым изгоем, чем несчастным нормальным человеком!

...

— Дедушка...

— Хватит! — Дедушка глубоко вздохнул, его лицо выражало глубокую печаль и усталость. — Оставь меня одного.

Ван Даху понимал, что такие вещи нельзя решить чужими словами, все должно прийти изнутри.

Тяжело ступая, он поднялся наверх и, открыв дверь своей комнаты, увидел Ли Цинжана, который как раз собирался выйти.

— В туалет?

Ли Цинжань слегка покачал головой и, увидев мрачное выражение на лице Ван Даху, невольно почувствовал жалость.

— Как дядюшка?

— Ничего. Выпил лекарство и уже спит.

... Ты в порядке? — тихо спросил Ли Цинжань. В последние дни настроение Ван Даху было явно не на высоте, что вызывало у него сильное беспокойство.

Ван Даху застывшим взглядом посмотрел на него и вдруг крепко обнял за тонкую талию, сжимая так сильно, будто боялся что-то потерять.

— Что случилось? — Ли Цинжань утешительно похлопал его по спине, мягко спросив.

Ван Даху шмыгнул носом. Как он мог ему сказать, что история Ван Яоцзу и Луна Имина напомнила ему о событиях их прошлой жизни?

Рыдания матери, полные отчаяния.

Взгляд отца, полный разочарования.

Боль выбора между семьей и любовью.

Эти воспоминания, как кошмар, давили на его сердце, и он не мог никому об этом рассказать, вынужденный нести эту ношу в одиночестве.

Кажется, почувствовав его внутреннюю борьбу, Ли Цинжань мягко обнял его в ответ. Раньше всегда он поддерживал его, и теперь надеялся, что сможет дать ему хоть немного утешения, даже если это будет совсем немного.

Спустя долгое время Ван Даху начал успокаиваться.

— Прости, что заставил тебя волноваться.

Ли Цинжань покачал головой.

Ван Даху посмотрел на него, в его взгляде мелькнуло колебание, но, подумав, он все же осторожно спросил:

— Ты уже понял, что происходит между дядюшкой и дядей Луном?

Ли Цинжань опустил глаза.

— Они любовники?

Он выглядел очень спокойно, поэтому Ван Даху не мог понять, что он на самом деле думает.

— Двое мужчин, которые любят друг друга, это странно, правда? — Ван Даху пристально смотрел на него, тихо говоря. — Но, Жань, в этом мире есть такие странные вещи. Даже если это противоречит законам природы, даже если это не принимается обществом, даже если такая любовь никогда не увидит света, она все равно существует и будет существовать всегда...

— Я понимаю! — Ли Цинжань резко поднял голову, его голос был тверд. — Я понимаю!

— Вот и отлично! — Ван Даху улыбнулся и похлопал его по голове, бормоча. — Вот и отлично!

Очевидно, что заставить простого Ван Шоуминя принять такую шокирующую вещь было не так просто.

В этот день давно накопившийся конфликт снова вспыхнул.

Ван Яоцзу, слабый, полулежал на Луне Имине, его лицо выражало непередаваемую печаль.

— Отец, мама, я знаю, что разочаровал вас, это моя вина, я неблагодарный сын. Но я... я действительно не могу без Амина. Пожалуйста, простите меня!

— Ууу, сынок! Как ты мог быть таким глупым! Ты мужчина, и он мужчина, что вы сможете сделать вместе? Вас всю жизнь будут осуждать, мой мальчик, зачем ты выбрал этот путь? — Бабушка рыдала, не в силах сдержать слез.

Ван Яоцзу тоже заплакал, его сердце разрывалось от боли, словно его терзали тысячи ножей.

Лун Имин, который все это время молчал, крепко сжал его руку, его глаза были наполнены невиданной нежностью.

— Дядя, тетя, — он глубоко вдохнул, глядя прямо на стариков. — Я люблю Ацзу, люблю до смерти, и буду любить его всю жизнь. Пожалуйста, позвольте мне быть с ним. Отныне я тоже ваш сын, и буду вместе с Ацзу заботиться о вас! Примите нас!

Лун Имин, вероятно, никогда в жизни никого так не умолял, но было видно, что эти слова шли от самого сердца и трогали до глубины души.

К сожалению, для бабушки в тот момент, даже самые трогательные слова вряд ли смогли бы унять его гнев.

— Отец! — На лице Ван Яоцзу явно появилось смятение. Видя, что дед остается непреклонным, он сжал зубы и с болью сказал:

— Ацзу неблагодарен! Если... если вы действительно не можете нас принять... считайте, что у вас никогда не было такого сына!

Ван Даху, стоявший рядом, мысленно застонал: «Неудачный момент, Чихуахуа!»

Как и ожидалось, лицо бабушки, которое начало смягчаться, снова стало жестким, как сталь.

Он пристально смотрел на Ван Яоцзу, указывая на него и гневно повторяя:

— Хорошо, хорошо, хорошо! Сегодня я заберу твою жизнь!

На глазах у всех дед резко поднял деревянный стул и изо всех сил бросил его в Ван Яоцзу. С такой силой удар мог бы убить.

— Нет! — Раздался крик бабушки, и в воздухе брызнула горячая кровь.

— Амин, Амин, что с тобой? Ууу... Амин!!! — Ван Яоцзу был крепко прижат к Луну Имину, который лежал на нем, его лоб истекал кровью, и Ван Яоцзу был на грани срыва.

Лун Имин открыл рот, словно хотел что-то сказать, но в конце концов его голова безвольно упала на плечо Ван Яоцзу.

— Амин!

Лун Имин был серьезно ранен.

Конечно, любой, кто получил бы удар стулом по голове, оказался бы в таком же состоянии и пролежал бы в коме несколько часов.

К счастью, угрозы для жизни не было.

Ван Даху, глядя на Чихуахуа, который сидел у кровати, выглядел растерянным и потерянным, подошел и утешительно сказал:

— Дядюшка, не волнуйся, Амин обязательно поправится!

— Я знаю, — Ван Яоцзу тупо смотрел на Луна Имина с перевязанной головой, бормоча. — С ним все будет хорошо, он не может умереть...

— Дядюшка!

— Это я виноват, это все моя вина. Я был слишком мягким, слишком трусливым, слишком жадным, не хотел ничего терять, поэтому Небеса и наказали меня. Но почему это наказание обрушилось на него? Пусть накажут меня!

Ван Даху, видя, что он снова начинает плакать, глубоко вздохнул. Чихуахуа, хотя ему уже было за двадцать, всегда оставался ребенком в душе, и его слишком хорошо защищал Лун Имин, поэтому он был немного наивен. А события последних дней явно вымотали его, он был в растерянности и не знал, что делать. Слишком много давления скопилось на нем, и он уже не мог с этим справляться...

<http://bllate.org/book/16441/1490825>